

Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге

В императорской семье традиционно уделяли огромное значение воспитанию и образованию наследников престола. От характера и уровня подготовки цесаревичей во многом зависело компетентное выполнение ими своих венценосных обязанностей. Образованием будущего Николая II занималась высокопрофессиональная команда преподавателей. В их числе были начальник Генерального штаба, генерал Н.Н. Обручев, профессор Академии Генерального штаба, генерал М.И. Драгомиров, министр иностранных дел Н.К. Гирс, историк Е.Е. Замысловский (профессор Петербургского университета), специалист по международному праву М.Н. Капустин (профессор Московского университета), химик Н.Н. Бекетов (профессор Петербургского университета) и др. Среди наставников особенно выделялись обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев и председатель Комитета министров Н.Х. Бунге. Именно они сыграли значительную роль в становлении взглядов цесаревича. «Образование получил он превосходное, — вспоминал о Николае II чиновник канцелярии Совета министров А.С. Путилов, — и под ближайшим наблюдением таких людей, как Победоносцев и Бунге».¹

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) был известным юристом, видным специалистом по гражданскому праву, профессором Московского университета. Он получил также известность как теоретик-педагог, знаток литературы и искусства, публицист, переводчик произведений отцов церкви и современной научной литературы. Победоносцев преподавал законоведение ещё сыновьям Александра II — в 1861–1862 гг. наследнику престола Николаю Александровичу, безвременно скончавшемуся в 1865 г., а в 1865–1866 гг. его брату, будущему Александру III. Близость к августейшей фамилии способствовала быстрому взлёту карьеры Победоносцева. В 1868 г. он стал сенатором, в 1872 г. — членом Государственного совета, в 1880 г. — членом Комитета министров, в 1880–1905 гг. был обер-прокурором Святейшего Синода. В молодости Победоносцев с энтузиазмом встретил начало Великих реформ, приветствовал отмену крепостного права, активно участвовал в разработке судебных уставов 1864 г. Но он довольно быстро разочаровался в политике преобразований и выступил против ее продолжения.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1337. Оп. 1. Д. 17. Л. 40.

В основе воззрений Победоносцева лежало недоверие к несовершенной природе человека, а внешний мир представлялся ему вечным хаосом, который нуждается в постоянном упорядочении. В его оценках будущего России и человечества в целом преобладал пессимистический настрой. Он считал порочной саму цель либеральных реформ, ориентированных на максимальное освобождение личности. По его мнению, только государственные институты, проникнутые религиозным началом, способны спасти общество от хаотического состояния. Отвергая парламентаризм и другие плоды политического развития Запада, Победоносцев противопоставлял им государственное устройство России, основанное на триедином фундаменте православия, самодержавия и народности. Обер-прокурор резко критиковал либералов, которые, по его мнению, пытались навязать отечеству «чужеродные» модели. Он считал либеральные «эксперименты» 1860-х гг. гибельными для России, рассматривал их как попытку перестроить страну «на западный манер», а царствование Александра II именовал «роковым». Земства, суды присяжных, свободная пресса представлялись ему «говорильнями», разжигающими политические страсти и способствующими пропаганде радикальных идей. Победоносцев не верил, что людей можно изменить к лучшему путём преобразования государственных институтов. Поэтому он призывал «верховную власть» отказаться от реформаторских инициатив и сосредоточиться на нравственном перевоспитании общества.

После восшествия на престол Александра III Победоносцев выступил против реформаторских замыслов правительственной группировки во главе с министром внутренних дел графом М.Т. Лорис-Меликовым. Написанный обер-прокурором манифест 29 апреля 1881 г. «о незыблемости самодержавия» означал конец кратковременной либеральной «весны». Влияние Победоносцева в «верхах» достигло апогея. Он стал одним из вдохновителей консервативного курса, которого придерживалось правительство Александра III.² В 1885 г. император поручил обер-прокурору прочесть курс законоведения наследнику престола великому князю Николаю Александровичу. На занятиях Победоносцев внушал цесаревичу свои представления о благе России и предостерегал его от увлечения либеральными идеями.

Другой наставник, Николай Христианович Бунге (1823–1895) был известным экономистом, профессором и ректором Университета св. Вла-

² О взглядах и деятельности К.П. Победоносцева см. подробнее: *Рабкина Н.А.* К.П. Победоносцев // *Вопросы истории.* 1995. № 2. С. 58–75; *Сергеев С.М.* Константин Петрович Победоносцев // *Великие государственные деятели России.* М., 1996. С. 432–460; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев — политик и человек // *Отечественная история.* 1998. № 1. С. 42–55; *Тимошина Е.В.* Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000; и др.

димира в Киеве. По своему мировоззрению он был либералом и с молодых лет прочно усвоил западные ценности с их гуманистической направленностью. Однако вера в самоценность свободной личности, признание прав частной собственности и частной инициативы, преданность идеям гласности и правопорядка сочетались у него с представлением о самобытности российской государственности, приверженностью монархической форме правления и ярко выраженным антирадикализмом. Он стремился к рациональному применению европейских моделей в специфических российских условиях. Бунге выступал за проведение мероприятий, ориентированных на повышение жизненного уровня и укрепление правового статуса «низших» классов. Он считал, что последовательная социальная политика, проводимая «верховой властью», является залогом не только экономического прогресса, но и мирной эволюции государства, лишая почвы всевозможные «разрушительные» теории. В годы общественного подъема, начавшегося после поражения России в Крымской войне (1853–1856 гг.), Бунге принял активное участие в либеральном движении, выдвинулся как известный публицист, стал одним из творцов Великих реформ — входил в состав правительственных комиссий по подготовке отмены крепостного права, разработке нового университетского устава 1863 г., составлению проекта реформы кредитных учреждений.

В 1863–1864 гг. Бунге преподавал финансовое право наследнику престола великому князю Николаю Александровичу. Интеллигентный, высоконравственный и эрудированный профессор из Киева понравился царской семье. Вскоре к изучению финансов на некоторое время присоединился и великий князь Александр Александрович. Будущий самодержец также пленился ясным умом и обаянием личности наставника. Это сыграло решающую роль при назначении киевского профессора в 1880 г. товарищем министра финансов, а в 1881 г. — министром финансов, несмотря на поражение либеральной группировки М.Т. Лорис-Меликова, к которой он был близок. Александр III уважал бывшего наставника, считая его «превосходным, благородным, без задних мыслей человеком».³

Возглавив финансовое ведомство, Бунге стал инициатором ряда преобразований, хотя политическая обстановка в стране не благоприятствовала реформаторскому курсу. В 1881–1886 гг. были понижены выкупные платежи с бывших помещичьих крестьян, отменена подушная подать, часть налогов перенесена на «достаточные» сословия, для помощи крестьянам в приобретении земли основан ипотечный Крестьянский банк, приняты первые законы об охране труда и урегулировании взаимо-

³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 502 (запись за 12 декабря 1886 г.).

отношений между предпринимателями и наёмными рабочими. Бунге поставил в правительстве вопросы об отмене круговой поруки, пересмотре паспортного устава, переселении малоземельных крестьян на окраины империи и облегчении им выхода из общины. Он вошёл в историю как крупнейший реформатор царствования Александра III, непосредственный предшественник С.Ю. Витте и П.А. Столыпина.⁴

Политика Бунге встретила сильное противодействие консервативных кругов, которые развязали против него настоящую кампанию. Победоносцев был одним из его самых непримиримых гонителей. Внешне отношения между ними были вполне корректными. Бунге с уважением относился к обер-прокурору, считая его «человеком искренним». ⁵ Оставшийся неизвестным мемуарист того времени вспоминал, что Бунге, общаясь с Победоносцевым, «спроста всё ему выкладывает», а тот «предаёт его в Гатчине» на вespодданнейших докладах императору.⁶ Преобразования министра финансов обер-прокурор назвал звеньями «той фальшивой цепи, которую заплела политика Л.-Меликова и Абазы». ⁷ Он резко критиковал Бунге «за его легкомысленное ведение дел». ⁸ 25 января 1886 г. Победоносцев писал Александру III: «Положение наших финансов занимает в последнее время не одних только государственных людей, но, можно сказать, всех русских людей. Все чувствуют и видят, что дело стоит плохо и угрожает опасность; все сознают, — одни смутно, другие явно, — ошибки нашей финансовой политики, продолжающиеся вот уже около 30 лет; все стараются искать выхода из нынешних затруднений. В этом ощущении сходятся все сословия — и государственные люди, и дворянство, и коммерческий люд, и крестьянство». ⁹

В конце 1886 г. Бунге был вынужден покинуть финансовое ведомство. Но его отставка не стала опалой. Александр III неожиданно для всех назначил Бунге председателем Комитета министров. Этот пост считался престижным, но менее влиятельным. Председатель Комитета министров не имел постоянных докладов у императора и права законодательной инициативы. Однако, как вспоминал чиновник канцелярии Комитета Н.Н. Покровский, Бунге и после ухода из финансового ведомства «продолжал пользоваться уважением императора Александра III, который

⁴ О взглядах и деятельности Н.Х. Бунге см. подробнее: *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998.

⁵ К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. М.; Пг., 1923. С. 540.

⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 120. Карт. 55. Д. 1. Л. 2, 3.

⁷ Письма К.П. Победоносцева к гр. Н.П. Игнатьеву // Былое. 1924. № 27/28. С. 71.

⁸ *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 409 (запись за 14 января 1886 г.).

⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 96–97.

особенно ценил в нем его душевную чистоту и хрустальную честность», несмотря на то, что его взгляды «существенно расходились с правительственными воззрениями того времени»¹⁰ Пользуясь расположением самодержца, председатель Комитета министров получил возможность воздействовать, если не на общее направление политики того или иного ведомства, то на характер отдельных законопроектов и административных распоряжений.

Ещё с осени 1886 г. Бунге, выполняя просьбу императора, начал занятия по экономическим дисциплинам с цесаревичем Николаем Александровичем. Он основательно переработал и дополнил свой лекционный курс. Каждая из его трёх частей предназначалась для одного семестра: 1) история политической экономии (1886—1887 гг.); 2) экономическая политика (1887—1888 гг.); 3) чтения о финансах (1888—1889 гг.).¹¹ По поручению Бунге вице-директор Департамента окладных сборов В.И. Ковалевский составил для занятий краткие очерки, карты, графики и таблицы, отражающие состояние сельского хозяйства и положение крестьянства.¹² Н.И. Ананьич, посвятившая этим учебным материалам специальную статью, отмечает: «Ни одно из опубликованных сочинений Н.Х. Бунге не даёт такого полного и ясно очерченного представления о системе его взглядов, как упомянутые выше лекции». По её утверждению, «самый характер источника (лекционный курс), его учебное предназначение побуждали автора к предельно ясному изложению мыслей и к освещению всех сторон экономики государства, отражали стремление Бунге внушить своему слушателю то, что он считал соответствующим задачам экономического развития России».¹³

За годы занятий наставник завоевал симпатию и уважение своего ученика. Между ними установились тёплые и доверительные отношения. Бунге говорил государственному секретарю А.А. Половцову, что цесаревич «положительно очень умён и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей».¹⁴ Он стремился убедить наследника в необходимости политики реформ и заботы о «низших» сословиях. Бунге ставил ему в пример германского канцлера О. фон Бисмарка, который сумел понять, что «успешная борьба с социализмом возможна лишь на

¹⁰ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 185.

¹¹ Тексты лекций см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 550. Ф. II. Д. 236—238.

¹² Воспоминания В.И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 34. Тексты этих материалов см.: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II. Д. 239.

¹³ *Ананьич Н.И.* Материалы лекционных курсов Н.Х. Бунге 60—80-х годов XIX века // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 304, 306.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 583. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

поприще практическом».¹⁵ Однажды наставник разъяснял цесаревичу «благодетельное» значение для России преобразований Александра II. «А вот К.П. Победоносцев говорит совсем иначе», — заметил ученик. После окончания занятий Бунге отправился к воспитателю Николаю Александровичу генералу Г.Г. Даниловичу и заявил ему, что «при такой системе преподавания ничего не выйдет, кроме путаницы». Генерал утешил его: «Не бойтесь, наследник — умная голова, он разберётся, где правда».¹⁶

Между двумя менторами развернулась настоящая схватка за душу будущего царя. Каждый из них пытался воздействовать на цесаревича и после прекращения занятий. Николай Александрович встречался с бывшими наставниками на заседаниях Государственного совета и Комитета министров, членом которых он был назначен в мае 1889 г. В феврале 1892 г. наследник вошел также в состав Комитета финансов. В декабре 1892 г. был образован Комитет Сибирской железной дороги. Его вице-председателем стал Бунге, а председателем Александр III сделал цесаревича.¹⁷ 19 января 1893 г. на заседании Комитета финансов Бунге передал ему высочайший рескрипт об этом назначении. В тот же день наследник записал в дневник: «Это дело великой важности меня глубоко занимает, и я примусь со рвением к его исполнению!»¹⁸ Отношения ученика и учителя возобновились уже на практической почве. Совместная работа с Бунге, который фактически руководил комитетом, увлекла Николая Александровича. Он очень серьёзно относился к своим председательским обязанностям. Влияние Бунге на цесаревича проявилось и в других вопросах государственной политики. Когда в 1893 г. он выступил против проекта Министерства внутренних дел о фактическом запрещении выхода крестьян из общины и неотчуждаемости их наделных земель, то наследник сочувственно отнесся к его позиции.¹⁹

Неожиданная смерть Александра III застала цесаревича врасплох. Он не ощущал себя способным принять тяжкое бремя власти. Ранее его участие в государственном управлении ограничивалось во многом формальным членством в высших бюрократических инстанциях, председательством в Особом комитете для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем (1891–1893), и Комитете Сибирской железной дороги. Николай II вступил на престол, не имея никакой определённой политической программы. «Что будет теперь с Россией? — воскликнул он в беседе с

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II. Д. 236. Л. 137 об.—138.

¹⁶ Воспоминания В.И. Ковалевского. С. 34, 35.

¹⁷ Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 243, 244, 367.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 229. Л. 188.

¹⁹ Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 531.

великим князем Александром Михайловичем. — Я ещё не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами». ²⁰ В этой ситуации молодой самодержец стремился получить поддержку от лиц из своего ближайшего окружения.

Одним из них стал Победоносцев, который стремился вернуть себе влияние в «верхах», во многом утраченное в последние годы жизни Александра III. Накануне смерти «царя-мироворца» обер-прокурор приехал в Крым, но ему не удалось встретиться с ним. По словам чиновника Министерства императорского двора В.С. Кривенко, он напрасно «ждал, когда его призовут запечатлеть последнюю волю умирающего императора; о нём как будто забыли». Даже манифест о вступлении на престол Николая II поручили написать не ему, а начальнику Главного управления уделов Л.Д. Вяземскому. ²¹ Однако, оказавшись после кончины Александра III в поле зрения нового самодержца, Победоносцев начал набирать вес в «верхах». По свидетельству государственного секретаря А.А. Половцова, в Москве, на пути Николая II из Крыма в Петербург, обер-прокурор имел с ним продолжительный разговор и сказал следующее: «Ведь Вы никого не знаете. Ваш отец при вступлении на престол был в таком же положении — я один был около него. И теперь, если Вам что понадобится, то пошлите за мной, — мне ведь ничего не нужно, я желаю только служить Вам». ²²

И Николай II неоднократно обращался к своему ментору. В первый же день восшествия на престол император поручил ему написать министру иностранных дел Н.К. Гирсу о том, чтобы разослали циркуляры иностранным дворам о намерении самодержца «неуклонно следовать политике мира покойного отца, идеал которого он всеми силами постарается осуществить». ²³ Обер-прокурор подготовил манифест 21 октября 1894 г. о переходе в православие невесты Николая II Алисы Гессенской, составил речь, которую император произнес 2 ноября 1894 г. на приёме членов Государственного совета в Аничковом дворце. Во время одного из визитов к самодержцу в декабре 1894 г. он рекомендовал ему придворных дам Е.А. Нарышкину и Е.А. Тютчеву, которые могли бы «знакомить» императрицу Александру Федоровну с Россией. В ответ на жалобы Николая II о загруженности огромным количеством бумаг Победоносцев посоветовал «отклонить от себя многое пустое, тем более, что на его утверждение часто представляются решения только с тем, чтобы избежать от-

²⁰ *Александр Михайлович, великий князь* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 141.

²¹ *Кривенко В.С.* В Министерстве двора: Воспоминания. СПб., 2006. С. 226.

²² Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. 1934. Т. 6. (67). С. 172 (запись за 2 ноября 1894 г.).

²³ *Ламздорф В.Н.* Дневник: 1894–1896. М., 1991. С. 77 (запись за 21 октября 1894 г.).

ветственности». Обер-прокурор уговорил его прекратить финансовую поддержку петербургской газеты «Гражданин», которую издавал известный консервативный публицист князь В.П. Мещерский.²⁴ В молодости он был другом Александра III и в дальнейшем регулярно посылал цесаревичу Николаю Александровичу свои дневниковые записи с оценкой всех сколько-нибудь значимых явлений российской жизни. Мещерский к тому времени давно рассорился с обер-прокурором и к тому же пользовался дурной репутацией в обществе.

Пользуясь советами Победоносцева, император приблизил к себе и другого наставника — Н.Х. Бунге. Он принял его сразу же после возвращения в Петербург в начале ноября 1894 г.²⁵ При дворе говорили, что Александр III незадолго до смерти рекомендовал сыну советоваться с председателем Комитета министров. «Н.Х. Бунге возлагал, по-видимому, особые надежды на новое царствование в смысле изменения в направлении внутренней политики, — вспоминал Н.Н. Покровский. — Выражая нам свою печаль по поводу кончины императора Александра III, он прибавил тут же, что падать духом не следует, что надо, напротив, надеяться на новое царствование, открывающее и новую эру государственной жизни. Он, несомненно, имел в виду возможность и своего более непосредственного влияния на дела управления».²⁶

И эти предположения оправдались. Император постоянно совещался с Бунге и обсуждал с ним важнейшие вопросы. Вопреки бюрократической традиции, председатель Комитета министров даже на некоторое время получил право регулярного утреннего доклада. Всеподданнейшие доклады министров императору проходили теперь в его присутствии. Сильное впечатление в правительственных кругах произвела скандальная отставка министра путей сообщения А.К. Кривошеина, уличённого в злоупотреблении служебным положением и удалённого по настоянию Бунге.²⁷ По выражению генерал-адъютанта А.А. Киреева, «праведный», «безусловно честный», «неподкупный и учёный» председатель Комитета министров стал «опорой для молодого царя».²⁸ 1 января 1895 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован высочайший рескрипт на имя Бунге, в котором извещалось о награждении его орденом св. Владимира первой степени. Все обратили внимание на адресованные ему «крайне лестные выражения».²⁹

²⁴ Из дневника А.А. Половцова. С. 172, 182, 183 (записи за 2 ноября и 20 декабря 1894 г.).

²⁵ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 46 (запись за 3 ноября 1894 г.).

²⁶ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. С. 186–187.

²⁷ Там же. С. 187. См. также: Из дневника А.А. Половцова. С. 182, 184 (записи за 15 и 27 декабря 1894 г.).

²⁸ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

²⁹ ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 68. Л. 218.

Министры и другие высокопоставленные лица, уловив расположение императора к Бунге, стали обращаться к нему за поддержкой. Однако он неизменно возражал против тех инициатив, которые не отвечали государственным интересам, и прямо заявлял, что «нельзя такую меру принимать в начале царствования молодого государя». ³⁰ По словам Н.Н. Покровского, Бунге «не стеснялся прямо высказывать свои взгляды и останавливать мероприятия, которые казались ему вредными или исходящими из личных соображений». ³¹ Он рекомендовал императору продолжить реформаторский курс Александра II. Самодержец прислушивался к словам наставника. Как вспоминал управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин, «идеям Н.Х. Бунге до известной степени соответствовали резолюции и указания, которые Николай II клал в первые месяцы своего царствования на прочитываемых им губернаторских и генерал-губернаторских отчетах». ³²

По словам А.С. Путилова, то, что Бунге занял при императоре положение одного из «доверенных советников», «уже само по себе свидетельствовало о некотором сдвиге влево, с которого началось новое царствование». ³³ Это вызвало большое воодушевление в общественных кругах. «В России, в особенности в земской России, с трепетом и надеждой следили за Николаем Христиановичем, — писал бывший управляющий Крестьянским банком Е.Э. Картавцов. — Там помнили, что он был деятелем освобождения крестьян, что при нём сняты подушные; там помнили это и надеялись, что и в третий раз он выдвинется в том же направлении и той же области». ³⁴ В начале нового царствования повсюду заговорили о грядущих переменах. Многие надеялись, что император отправит в отставку ненавистного обер-прокурора и других консервативных сановников. ³⁵ Распространялись слухи о том, что «Победоносцева он не любит за ханжество и стремление преследовать другие вероисповедания». ³⁶ В адресах ряда земств, поступивших на имя Николая II в первые два месяца его царствования, содержались призывы считаться с мнением общественности и требования о соблюдении законности и личных свобод. Особенно ярко эти настроения прозвучали в адресе наи-

³⁰ *Картавцов Е. Э.* Николай Христианович Бунге: Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 37.

³¹ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. С. 187.

³² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 4 об.

³³ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

³⁴ *Картавцов Е. Э.* Указ. соч. С. 37–38.

³⁵ Записки Н.Ф. Бунакова: Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной: 1837–1905. СПб., 1909. С. 223.

³⁶ *Савельев А. А.* Два восшествия на престол русских царей: (Из воспоминаний земского деятеля) // Голос минувшего. 1917. № 4. С. 98.

более либерального тверского земства, который был воспринят «верховой властью» как конституционное требование.

Нарастание общественного движения встревожило Победоносцева. Он опасался повторения ситуации 1880–1881 гг., когда власть в стране оказалась в руках либеральной «партии» М.Т. Лорис-Меликова. «Едва кончилось царствование усопшего государя, как те же люди и прежние их сподвижники проснулись и готовились возобновить ту же агитацию», — писал позднее обер-прокурор Николаю II.³⁷ Он осудил новогодние награды лицам, известным своей принадлежностью к группировке либеральных бюрократов — К.К. Гроту, М.С. Каханову и С.А. Мордвинову. «Вышло так, что новый государь отличил тех самых, кого покойный считал опасными», — писал он великому князю Сергею Александровичу.³⁸

С целью вернуть Николая II на «истинный путь» Победоносцев составил для него записку, которая была передана адресату предположительно до середины января 1895 г. Во всяком случае, известно, что обер-прокурор посетил императора 10 января.³⁹ В своей записке Победоносцев утверждал: «Самодержавная власть государя не только необходима России, она не только есть залог внутреннего спокойствия, но она есть существенное условие национального единства и политического могущества нашего государства». По словам автора, всякая попытка применить в России принципы западного парламентаризма, неизбежно станет «основой и началом угнетения, раздора и гибели, элементом, разлагающим все принципы, на которых держатся нравственные убеждения нашего народа». Обер-прокурор стремился убедить императора в том, что окончательно сложившаяся при его отце система государственного управления оптимально подходит для империи, соответствует духу русского народа и не нуждается ни в каких усовершенствованиях.

Далее Победоносцев переходил к основной цели своей записки. Он напомнил Николаю II о событиях 1881 г., когда М.Т. Лорис-Меликов и его единомышленники осмелились посягнуть на священные прерогативы самодержавия. «Ясный и твердый ум императора Александра III, — писал обер-прокурор, — понял всё безумие предположений, несовместимых с благом страны, и восстановил мир в народной душе своим твёрдым словом, которое упрочило самодержавную власть государя. Весь наш народ благословил решение императора, и с тех пор принцип власти не терпел никакого ущерба и оставался неколебимым: таковым он был

³⁷ Письма К.П. Победоносцева к Николаю II: 1890–1902 гг. // Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 305.

³⁸ Письма К.П. Победоносцева к вел. кн. Сергею Александровичу: 1884–1902 гг. // Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. С. 355, 356.

³⁹ Дневники императора Николая II. С. 58 (запись за 10 января 1895 г.).

препоручен усопшим императором своему преемнику». ⁴⁰ Это был прямой призыв к «верховой власти» выступить с заявлением, подобным манифесту 29 апреля 1881 г.

Николай II полностью согласился с аргументами Победоносцева. «Отлично», — гласила его резолюция на полях первой страницы записки. ⁴¹ Идеи обер-прокурора отразились в речи императора перед депутациями от дворянства, земств, городов и казачьих войск, собравшимися в Зимнем дворце 17 января 1895 г. Заглядывая в шапку, где лежала заготовленная «шпаргалка», Николай II осудил «людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления». Он заявил о своем намерении «охранять начало самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял мой покойный родитель». ⁴²

Среди современников высказывались разные мнения об авторе этой знаменитой речи. Генерал Н.А. Епанчин и известный историк А.А. Кизеветтер называли Победоносцева, генерал А.А. Киреев — министра внутренних дел И.Н. Дурново. С.Ю. Витте соглашался с ним, но указывал на возможную роль Победоносцева. По словам хозяйки петербургского салона А.В. Богданович, подготовка текста не обошлась без великого князя Сергея Александровича. ⁴³ Различные суждения приводятся и в научной литературе. Большинство авторов приписывают авторство Победоносцеву. ⁴⁴ Они опираются на черновой проект речи, написанный рукой обер-прокурора, обнаруженный среди его бумаг и опубликованный ещё в 1926 г. ⁴⁵ Правда, он значительно отличается от окончатель-

⁴⁰ *Соловьев Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 316–318.

⁴¹ Там же. С. 312.

⁴² Правительственный вестник. 1895. 18 января; «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями»: Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. / Публ. И.С. Розенталя // Исторический архив. 1999. № 4. С. 219.

⁴³ *Богданович А.В.* Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 199; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 227; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 143; Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 533; ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

⁴⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 5. М., 1968. С. 377; *Захарова Л.Г.* Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 120; *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха: Книга для учителей. М., 1975. С. 14; *Соловьев Ю.Б.* Указ соч. С. 311, 312; Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л., 1984. С. 23, 24; *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 35; *Долгих А.Н.* К вопросу о роли К.П. Победоносцева в определении внутривластного курса самодержавия в середине 90-х годов XIX века. Липецк, 1986. Рукопись, деп. в ИНИОН РАН № 29813 от 11.06.87. С. 11–14; *Полунов А.Ю.* Указ, соч. С. 51; *Кряжев Ю.Н.* Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997. С. 100.

⁴⁵ Из черновых бумаг К.П. Победоносцева / Публ. К.Я. Здравомыслова // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 203.

ной редакции текста. П.А. Зайончковский считает возможным авторство великого князя Сергея Александровича.⁴⁶ По утверждению И.С. Розенталя, который приводит в своей публикации различные варианты речи, она была инспирирована И.Н. Дурново.⁴⁷ В коллективной монографии, посвящённой истории реформаторского процесса в России, о чьей-либо роли в составлении этого документа вообще не упоминается.⁴⁸ В исследовании по истории земского самоуправления в России отмечается, что текст был подготовлен «при участии» Победоносцева.⁴⁹

Речь в Зимнем дворце отчасти сыграла роль манифеста 29 апреля 1881 г. В дальнейшем она рассматривалась представителями оппозиции как «лейтмотив» царствования «коронованного неудачника».⁵⁰ Однако декларация самодержца не стала триумфом консервативного окружения императора. Победоносцеву не удалось повторить свой «подвиг» по спасению самодержавия при Александре III. Времена изменились. Речь вызвала сильное недовольство широкой общественности и ускорила сплочение либеральной оппозиции. Она была признана также неудачной в правительственных и великосветских кругах.⁵¹ В те дни великий российский историк В.О. Ключевский произнес своё знаменитое пророчество: «Николаем II закончится романовская династия; если у него родится сын, он уже не будет царствовать».⁵² В письме к императору от 7 февраля 1895 г. Победоносцев писал о «глухом ропоте среди чиновничества и интеллигенции», который также «слышится между высокопоставленными лицами, облечёнными властью». Он подчеркнул, что «теперь более, чем когда-либо, необходима твёрдость воли верховной во всех исходящих от неё распоряжениях».⁵³

По свидетельству А.Н. Куломзина, Бунге очень огорчился из-за «явной склонности ученика к течениям реакционного лагеря».⁵⁴ Поэтому он стремился поскорее закончить свое политическое завещание — записку, которая впоследствии получила название «Загробные заметки».⁵⁵

⁴⁶ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 48.

⁴⁷ «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». С. 217–218.

⁴⁸ См.: *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 407, 408.

⁴⁹ *Земское самоуправление в России: 1864–1918.* В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 281.

⁵⁰ *Таганцев Н.С.* Пережитое: Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 70.

⁵¹ *Соловьев Ю.Б.* Указ соч. С. 312, 313; *Шацлло К.Ф.* Указ. соч. С. 36; *Власть и реформы.* С. 408.

⁵² *Кизветтер А.А.* Указ. соч. С. 145.

⁵³ Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. С. 305.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 184. Л. 1.

⁵⁵ См. публикации этой записки: *Snow G.E.* The Years 1881–1894 in Russia: A Memorandum Found in the Papers of N.Kh. Bunge: A Translation and Commentary. Philadelphia, 1981; *Бунге Н.Х.* Загробные заметки / Публ. В.Л. Степанова // Река времен. Кн. 1. М., 1995. С. 198–254; *Бунге Н.Х.* Загробные заметки // Судьбы России: Доклады и записки государ-

Работу над этим документом Бунге начал ещё на рубеже 1880—1890-х гг. По замыслу автора, записка должна была после его смерти поступить к Александру III. С точки зрения Л.Е. Шепелева, тщательно изучившего историю создания «Загробных заметок», «цель Бунге, по-видимому, заключалась в том, чтобы иметь возможность совершенно откровенно и прямо изложить своё мнение, а вместе с тем, может быть, и в том, чтобы дать возможность адресату использовать изложенные идеи анонимно, или даже от своего имени».⁵⁶ Но записка так и не дошла до Александра III. После его кончины Бунге переадресовал свое завещание Николаю II.

По тематическому многообразию, широкому охвату коренных проблем государственной жизни и экономического развития России «Загробные заметки» превосходят немногочисленные программные документы других высших сановников. В записке автор изложил свои идеи об укреплении индивидуальной крестьянской собственности на землю, привлечении «фабричного люда» к участию в прибылях частных предприятий и создании рабочих ассоциаций, расширении прав местных выборных учреждений, реорганизации центрального и местного государственного аппарата, преобразовании системы народного образования, проведении гибкой, либеральной политики при решении национально-религиозных проблем и др. На страницах «Загробных заметок» Бунге выступил против поспешных «конституционных экспериментов». По его мнению, переход к системе народного представительства в условиях России возможен только в перспективе, когда самодержавие исчерпает свои реформаторские потенции.

В «Загробных заметках» Бунге уделил немало внимания одному из актуальных вопросов внутренней политики — организации переселенческого движения. Пореформенные десятилетия ознаменовались быстрым ростом числа крестьян-переселенцев, стремившихся на свободные казённые земли. Подавляющее большинство из них снималось с места без разрешения властей, несмотря на то, что закон строго запрещал самовольные переселения и предусматривал за них уголовные меры наказания. К началу 1880-х гг. потребность в общегосударственном законодательстве, регулирующем переселенческое движение крестьян в другие губернии, стала особенно острой. Однако в бюрократических кругах сама мысль о переселениях крестьян в поисках лучшей доли воспринималась резко отрицательно. В «верхах» опасались любого массового аграрного движения, даже организованного самим правительством.

ственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны: (вторая половина XX в.) / Сост. Л.Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 191—271.

⁵⁶ Шепелев Л.Е. «Загробные заметки» Н.Х. Бунге // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 245—246.

Бунге предлагал оказывать всемерную поддержку крестьянам для переселения на окраины империи. «Вопрос о переселении, — говорил он наследнику на занятиях, — был поднят ещё в 1881 году, но с тех пор он мало подвинулся. Земли, предназначаемые для переселения, не приведены в достаточную известность, а для приобретения их нет установленных правил. Крестьяне-переселенцы бредут в Сибирь, не зная, куда они идут, многие возвращаются назад и умирают в пути».⁵⁷ Начало сооружения Сибирской магистрали позволило поставить вопрос о разрешении переселений в зону строительства, чтобы привлечь достаточное количество рабочих рук для освоения огромных территорий. В марте 1893 г. была образована Подготовительная комиссия для разработки нового закона о переселениях. Со вступлением на престол Николая II Бунге «признал в высшей степени важным на первых же порах нового царствования дать переселенческому делу надлежащее правильное направление».⁵⁸ Во время визита к вернувшемуся из Крыма императору в ноябре 1894 г. Бунге спросил его о кандидатуре на место председателя Комитета Сибирской железной дороги. Но самодержец ответил: «Это дело так меня интересует, что я желаю сам остаться председателем».⁵⁹

8 марта 1895 г. на заседании комитета был поставлен вопрос о самовольных переселенцах. Министр внутренних дел И.Н. Дурново требовал водворять их обратно на прежнее место жительства. С ним не согласились Бунге, министр финансов С.Ю. Витте и министр земледелия А.С. Ермолов. «Правительственное воздействие на означенное движение, — заявил вице-председатель, — не должно иметь целью задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, но могло бы быть направлено к тому, чтобы из года в год повторяющееся перемещение сельских обывателей носило характер более сознательный и получило вполне правильную постановку». Николай II встал на его сторону и заметил, что «к этому явлению народной жизни можно относиться без каких-либо особых опасений». По предложению Бунге, комитет поручил Подготовительной комиссии рассмотреть вопрос о допущении некоторых изъятий из действующего закона для переселенцев, направляющихся в район Сибирской железной дороги.⁶⁰ Витте вспоминал, что «этот вопрос был решён в принципе главным образом благодаря авторитетному мнению Николая Христиановича Бунге».⁶¹ Закон 15 апреля

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II. Д. 238. Л. 582 об.—583.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 184. Л. 41.

⁵⁹ Из дневника А.А. Половцова. С. 174 (запись за 13 ноября 1894 г.).

⁶⁰ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 40. Л. 55 об., 56, 57 об., 59.

⁶¹ Протоколы по крестьянскому делу: Высочайше учреждённое Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1905. Протокол № 27. С. 33.

1896 г. отменил практику насильственного возвращения самовольных переселенцев, упростил порядок выдачи разрешений на переселения, установил льготный тариф на проезд по железной дороге и право посылки крестьянами ходоков для осмотра земель, предназначенных для заселения, и др. Во второй половине 1890-х гг. заметно возросли государственные ассигнования на устройство переселенцев и подготовку земельных участков, сократилось число самовольно переселявшихся и возвращавшихся обратно крестьян.

Другой проблемой, которая крайне беспокоила Бунге, была постановка народного образования. При Александре III учебное ведомство во главе с И.Д. Деляновым проводило политику жесточения административной опеки над университетами и усиления надзора за студентами. В средних учебных заведениях сохранялась в незыблемости классическая система образования, принимались меры для укрепления дисциплины среди учащихся. Синод во главе с Победоносцевым насаждал церковно-приходские школы, стремясь к полной клерикализации начального образования. Между тем, несмотря на достигнутые в пореформенный период успехи, Россия значительно отставала от западных стран по численности кадров научных работников, учителей, инженеров, техников, врачей, агрономов. В особенно тяжёлом положении находилась начальная школа. Неграмотность как массовый феномен стояла на пути экономического и социального прогресса.

Бунге не надеялся на какие-либо конструктивные шаги со стороны учебного ведомства. Весной 1895 г. он задумал привлечь к делу народного просвещения широкую общественность и с этой целью учредить особое общество на базе комитетов грамотности, существовавших при Московском обществе сельского хозяйства и Вольном экономическом обществе в Петербурге. Они находились в подчинении Министерства государственных имуществ и представляли собой центры внешкольного образования, занимались изданием и рассылкой книг для народа, устройством библиотек, читален, книжных складов, воскресных школ, подготовкой учителей и т.п. В начале 1890-х гг. их деятельность заметно активизировалась в связи с подъёмом общественно-педагогического движения и ростом интереса к вопросам внешкольного образования.

В марте 1895 г. в Комитете министров должен был рассматриваться вопрос о передаче комитетов в ведение Министерства народного просвещения. Бунге воспользовался удобным моментом и во всеподданнейшем докладе от 6 марта указал на несовершенство правил, регулирующих деятельность этих учреждений. Он предложил исправить этот недостаток до заседания Комитета министров.⁶² Получив одобрение императора, Бун-

⁶² РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 51776. Л. 252–253.

ге заручился также поддержкой президента Императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича, который также сочувствовал делу просвещения народа. Для обсуждения этого вопроса на журфиксы в его Мраморном дворце постоянно приглашались учёные и педагоги. Николай II с одобрением отнёсся к инициативе великого князя. Он попросил Константина Константиновича выяснить мнение специалистов и доложить ему.⁶³

Во всеподданнейшем докладе от 20 марта Бунге отметил стремление представителей всех сословий к участию в распространении грамотности среди населения. По его мнению, чтобы избежать нежелательной радикализации этого движения, правительство должно взять дело просвещения в свои руки, не отказываясь, вместе с тем, от содействия частных лиц в установленных законом пределах. Бунге предложил с этой целью учредить специальное общество и привлечь в него лучшие педагогические силы. Он подчеркнул важность руководства обществом особой императорской фамилии, имея в виду Константина Константиновича.⁶⁴

Николай II распорядился обсудить этот вопрос в Комитете министров в присутствии великого князя. В короткий срок комиссия под председательством А.Н. Куломзина по указаниям Бунге подготовила проект устава Российского общества ревнителей просвещения народа. Его председателем предполагалось назначить Константина Константиновича. Общество должно было подчиняться Министерству народного просвещения и управляться центральным комитетом в Петербурге, на местах учреждались губернские, городские и уездные комитеты. В проекте определялись функции общества: 1) содействие в создании народных школ, устройстве библиотек, читален, школьных музеев, воскресных и вечерних курсов; 2) помощь школам книгами и учебными пособиями, финансовая поддержка в случае неурожаев, эпидемий, пожаров и других стихийных бедствий; 3) содействие учащимся в продолжении образования, улучшение их материального положения; 4) издание учебников и книг для народа, рассылка их в школы, училища, библиотеки, читальни, тюрьмы, больницы.⁶⁵

Для обсуждения проекта в начале апреля было образовано совещание в составе представителей Синода, министерств народного просвещения, внутренних дел и земледелия. Устав был принят единогласно.⁶⁶ 25 апреля Николай II одобрил доклад великого князя Константина Константиновича о решении совещания.⁶⁷ На следующий день Бунге проин-

⁶³ *Епанчин Н. А.* Указ. соч. С. 228, 229.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 51776. Л. 254–255 об.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–13 об.

⁶⁶ Там же. Л. 22–23 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 59 об.

формировал об этом членов Комитета министров и вручил им печатные экземпляры проекта. Однако предлагаемая мера была встречена в штыки Победоносцевым и Дурново, которые всегда возражали против общественного почина в области народного образования и участия в просветительской работе «неблагонадёжных элементов». Бунге писал академику Я.К. Гроту, что его «скромное желание выставлено было как нечто солидарное с революционным начинающимся движением».⁶⁸

Вечером «встревоженный и испуганный» обер-прокурор явился к Константину Константиновичу с экземпляром устава в руках и настойчиво убеждал его «не поддаваться» «революционным или, по крайней мере, ненадёжным элементам» в комитетах грамотности. Великий князь рассказал об этом инциденте Николаю II. «Победоносцев всего боится», — ответил тот, снисходительно улыбаясь.⁶⁹ Однако 28 апреля обер-прокурор отправился к императору для доклада по своему ведомству и сумел переубедить его.⁷⁰ В тот же день Николай II отправил Бунге письмо с пожеланием перенести обсуждение устава на осень. При этом он ссылался на свою неопытность в государственных делах и необходимость осторожности в столь важном вопросе.⁷¹ «Очевидно Победоносцев запугал государя; — предполагал Константин Константинович, — без сомнения, решение собранной у меня комиссии не требовать уставом обязательного избрания в Главный и другие советы представителей от правительства и от духовенства было доложено Победоносцевым государю как поползновение отделаться от правительственного надзора, или как-нибудь в этом роде».⁷²

Бунге был потрясён поступком своего питомца. 3 мая во всеподданнейшей записке он предложил поручить попечителям Петербургского и Московского учебных округов собрать сведения о деятельности комитетов грамотности с целью развеять сомнения в их «благонадёжности» и осенью при обсуждении устава представить подробный отчет Комитету министров.⁷³ Но было уже ясно, что отсрочка является формальным поводом. «С горьким чувством увидел Н.Х. Бунге, что был лишён доверия в самом важном, по его глубокому убеждению, деле, на которое им было положено столько мысли и заботы», — вспоминал Н.Н. Покровский.⁷⁴

⁶⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 137. Оп. 9. Д. 28. Л. 1 об., 2.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 60; ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 15 об.

⁷⁰ Там же. Л. 59 об., 61 об., 62.

⁷¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 51776. Л. 256—257 об.

⁷² ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 62.

⁷³ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 259. Л. 24—24 об.

⁷⁴ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. С. 189.

Но Бунге не сдавался. Как писал А.Н. Куломзин, у него «родилась мысль при жизни ещё раз попробовать направить нашу внутреннюю политику на правильный путь». По его распоряжению в мае 1895 г. А.Н. Куломзин, Н.Н. Покровский и другие чиновники Канцелярии Комитета министров подготовили свод 251 высочайшей резолюции за первые семь месяцев правления Николая II. Он сопровождался обстоятельным введением, содержащим анализ резолюций «в связи, как с объяснениями губернаторов, так и с картиной тяжёлого экономического положения России, которое, несмотря на осторожные выражения губернаторов, бросалось в глаза».⁷⁵ По словам Н.Н. Покровского, во введении «были изложены начала как бы программы нового царствования во внутренней политике».⁷⁶

В конце мая А.Н. Куломзин передал Бунге введение на просмотр и вскоре получил исправленный текст назад с приглашением приехать к нему для беседы по этому вопросу. Но встреча так и не состоялась. 3 июня 1895 г. Бунге скончался. Николай II с горечью воспринял эту утрату. «Узнал чрезвычайно грустную весть о скоростижной смерти бедного Н.Х. Бунге, — записал он в дневник вечером того же дня. — Ещё одним верным и опытным советником стало у меня меньше. Кончина его ставит меня в очень трудное положение!»⁷⁷ Утром 4 июня император принял А.Н. Куломзина, который передал ему текст введения к своду высочайших резолюций с правкой Бунге. По свидетельству Константина Константиновича, Николай II, «очень расстроенный смертью Н.Х. Бунге», целых полчаса продержал у себя управляющего делами Комитета министров.⁷⁸ При разборе архива Бунге были обнаружены «Загробные заметки». Император внимательно ознакомился с завещанием своего наставника. По высочайшему распоряжению записка была размножена типографским способом в нескольких десятках экземпляров и роздана для ознакомления великим князьям, министрам и членам Государственного совета.⁷⁹ Идеи Бунге оказали определённое влияние на правительственную политику конца XIX — начала XX вв. и в особой степени — на реформаторскую деятельность С.Ю. Витте.

После кончины своего соперника Победоносцев окончательно похоронил замысел создания Российского общества ревнителей просвещения народа. Правда, Константин Константинович в октябре 1895 г. собрался продолжить дело Бунге и обсудить устав общества в Комитете

⁷⁵ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 4 об., 12.

⁷⁶ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. С. 188.

⁷⁷ Дневники императора Николая II. С. 83.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 42. Л. 75 об.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5493в. Л. 162—173.

министров. Однако обер-прокурор во время визита к великому князю постарался «объяснить, в какое опасное дело хотят завлечь его, и какое будет его ложное положение посреди этой смешанной и беспорядочной толпы так называемых ревнителей». Тогда Константин Константинович запросил мнение министра финансов С.Ю. Витте и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, которые согласились с Победоносцевым. В итоге Константин Константинович отказался от своих намерений. «Искренне радуюсь такому исходу дела, которое в задуманной прежде конструкции угрожало самыми нежелательными последствиями», — писал обер-прокурор императору 24 октября 1895 г.⁸⁰ Позднее, 17 ноября 1895 г. Николай II одобрил постановление Комитета министров о передаче комитетов грамотности в ведение Министерства народного просвещения. 12 марта 1896 г. И.Д. Делянов утвердил устав Петербургского и Московского обществ грамотности, которые, вопреки замыслу Бунге, имели чисто казенный характер и находились под строгим бюрократическим контролем. Решение правительства привело к массовому выходу интеллигенции из комитетов грамотности.

Кроме того, во время одного из визитов в Мраморный дворец Победоносцев в категорической форме потребовал у Константина Константиновича прекратить «педагогические беседы». Великий князь сказал, что он устраивает их по желанию императора. «Государь молод и неопытен, и наш долг помогать ему», — заявил обер-прокурор. На вопрос Константина Константиновича о том, как выйти из положения, Победоносцев ответил: «Ах, Ваше Высочество, это так просто: доложите Государю, что Его воля исполнена, что вы обсуждаете этот вопрос с педагогами, что дело это огромной важности и что подготовка его требует много времени, а потом будут другие заботы, дело отложится и всё будет к лучшему». Великий князь воспользовался этим советом и вскоре изменил своё мнение о пользе просвещения для народа.⁸¹

В историографии утвердилось мнение об исключительном влиянии Победоносцева на императора и правительственную политику вплоть до революционных событий 1905 г.⁸² В учебнике для исторических факультетов университетов, подготовленном кафедрой истории России XIX — начала XX в. МГУ им. М.В. Ломоносова, о Победоносцеве говорится, что «прежде всего с ним советовался Николай II в первое десятилетие своего царствования».⁸³ Действительно, обер-прокурор хотел сохранить своё

⁸⁰ Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. С. 310.

⁸¹ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 229, 239.

⁸² Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 134; Долгих А.Н. Указ. соч. С. 2, 3.

⁸³ История России XIX — начала XX в.: Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998. С. 462.

положение главного наставника при неопытном императоре. «Между докладами явился Победоносцев, как всегда, с добрыми советами и всякого рода предостережениями», — записал в дневник Николай II 2 декабря 1895 г.⁸⁴ «Его циничный ум влиял на молодого императора в том направлении, чтобы приучить его бояться всех нововведений», — вспоминал об обер-прокуроре великий князь Александр Михайлович. Победоносцев убеждал самодержца, что «продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее тёплое дуновение весны, и всё рухнет».⁸⁵

Обер-прокурор не довольствовался личными встречами и назиданиями, а также обращался к императору с письмами по самым разным вопросам.⁸⁶ Он активно вторгся в сферу компетенции других ведомств, влиял на назначения высших должностных лиц. Именно по его рекомендации И.Л. Горемыкин в октябре 1895 г. стал министром внутренних дел. По свидетельству великого князя Александра Михайловича, Николай II при принятии того или иного решения всегда задавался вопросом, как поступил бы в данном случае его отец. С этой целью он даже собирал совещания высших сановников, на которых обычно председательствовал Победоносцев.⁸⁷ Накануне коронации своего ученика обер-прокурор издал «Московский сборник», посвящённый обличению системы народного представительства и западной демократии.⁸⁸ «Разумеется, — отмечает Ю.Н. Кряжев, — этот сборник не мог пройти мимо Николая, не повлиять на его утверждающееся мировоззрение молодого царя. Идеи и взгляды учителя, духовного наставника ему нравились, он воспринимал их и, впоследствии, высоко оценил содержание этого печатного издания».⁸⁹

Некоторые исследователи более сдержанно оценивают роль Победоносцева в «верхах» и считают, что его возвышение с началом нового царствования было кратковременным.⁹⁰ По мнению Ю.Н. Кряжева, влияние обер-прокурора на правительственную политику упало в начале 1900-х гг., и его деятельность стала ограничиваться только делами духовного ведомства.⁹¹ Источники свидетельствуют о том, что отношения Николая II и Победоносцева были непростыми. Жёсткая опека обер-

⁸⁴ Дневники императора Николая II. С. 116.

⁸⁵ Александр Михайлович. Указ. соч. С. 146, 147.

⁸⁶ См.: Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. С. 311–338; Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II (1898–1905) / Публ. М.Н. Курова // Религии мира: История и современность: Ежегодник: 1983. М., 1983. С. 163–194.

⁸⁷ Александр Михайлович. Указ. соч. С. 146.

⁸⁸ Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1896.

⁸⁹ Кряжев Ю.Н. Указ. соч. С. 103.

⁹⁰ См.: «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». С. 217, 218; Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 67.

⁹¹ Кряжев Ю.Н. Указ. соч. С. 105, 106.

прокурора и его стремление вмешиваться во все дела явно не устраивали самодержца. Как свидетельствует запись в дневнике А.В. Богданович, в декабре 1896 г. на одном из полковых обедов Николай II с сарказмом сказал, что «Победоносцев нарекомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать корпусных командиров».⁹² По словам А.С. Путилова, «К.П. Победоносцев находился в несколько странном положении. Царь уважал Победоносцева и доверял ему как испытанному ближайшему сотруднику своего отца. Но, вместе с тем, у императора Николая II, как у многих слабовольных людей, была боязнь людей сильных духом и инстинктивное нерасположение к тем, советам которых он следовал и влиянию которых поддавался. Слушаясь Победоносцева в вопросах первостепенной важности, он тяготился его советами в текущих делах управления и подчас, как школьник, бывал рад поступать не так, как бы этого желал Победоносцев».⁹³

Кроме того, императора разочаровывала главная черта обер-прокурора как государственного деятеля. Обладая «нигилистическим» складом ума, он всё критиковал, но был не в состоянии выдвинуть какую-либо конструктивную программу. Довольно скоро Победоносцева оттеснили другие сановники — министр финансов С.Ю. Витте, министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, назначенный в 1895 г. председателем Комитета министров И.Н. Дурново и др. «Оставаясь едва не старейшим из старых слуг трёх царствований, я готов был на службу новому государю, в чём мог, — вспоминал К.П. Победоносцев впоследствии в письме к Николаю II. — Но уже настало другое время — люди вокруг меня переменились: люди нового поколения, чуждые прежних преданий, прежних порядков, минувших событий. Я сам ослабел».⁹⁴ По свидетельству А.А. Половцова, в январе 1900 г. Победоносцев сокрушался по поводу того, что пятью годами ранее он посоветовал императору назначить И.Л. Горемыкина министром внутренних дел. «Даёт зарок, что никогда больше никого рекомендовать не будет, — записал в дневник государственный секретарь. — Да, впрочем, вероятно, никогда его больше и не спросят».⁹⁵ В январе 25 февраля 1904 г. обер-прокурор жаловался генералу А.Н. Куропаткину, что «государь его уже не слушает 9 лет».⁹⁶

Метания Николая II между Бунге и Победоносцевым были следствием его колебаний между двумя концепциями внутренней политики.

⁹² *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 218 (запись за 18 декабря 1896 г.).

⁹³ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 17. Л. 67–68.

⁹⁴ Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. С. 331.

⁹⁵ Из дневника А.А. Половцова (1895–1900 гг.) // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 124 (запись за 14 января 1900 г.).

⁹⁶ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1924. № 5. С. 88.

Оценивая нерешительное поведение самодержца в истории с комитетами грамотности, генерал А.А. Киреев писал, что император «мало самостоятелен, его можно подвинуть на противоположные действия». ⁹⁷ Это во многом объяснялось особенностью натуры самодержца. Образованность, великолепная память и несомненные интеллектуальные дарования сочетались в нём с отсутствием «харизмы власти», недостатком политической воли, нерешительностью, упрямством, непоследовательностью в своих действиях, одномерностью восприятия жизни, неспособностью постичь её сложность и многообразие. Сам Победоносцев так характеризовал своего воспитанника: «Он имеет природный ум, проницательность, схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений. На этом мелком, однозначном факте или взгляде он и останавливается. Это результат воспитания кадетского корпуса, да, пожалуй, горничных, окружавших его мать. Широкого, общего, выработанного обменом мысли, спором, прениями, для него не существует». ⁹⁸

В историографии утвердилось мнение о консервативных взглядах последнего российского самодержца, которые складывались под влиянием Победоносцева. О роли Бунге в формировании мировоззрения Николая II упоминается крайне редко. ⁹⁹ Между тем император не принадлежал к числу охранителей-традиционалистов, которые искали идеалы только в прошлом. Он обладал своеобразными консервативно-либеральными взглядами и принадлежал к сторонникам модернизации России. Почитая память отца, молодой монарх преклонялся и перед дедом — «царём-освободителем» Александром II. Николай II был человеком западного образования и очень многое воспринял именно от Бунге. Как и его наставник, самодержец считал, что реформы должны проводиться постепенно, с учётом национальных и исторических особенностей России. В частности, «Загробные заметки» стали одним из основных источников при подготовке министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским указа 12 декабря 1904 г., который стал ярким проявлением политики правительственного либерализма. ¹⁰⁰

Следуя заветам Бунге, Николай II поддержал программу С.Ю. Вите, ориентированную на рост отечественной промышленности, санкционировал денежную реформу 1895–1897 гг., введение винной монополии,

⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

⁹⁸ Из дневника А.А. Половцова (1895–1900 гг.). С. 131 (запись за 15 августа 1900 г.).

⁹⁹ См.: Степанов В.Л. Указ. соч. С. 246, 247, 282–289; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка: (1914–1917). Рязань, 2005. С. 31.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 198. Л. 4.

законы об охране труда и страховании рабочих и ряд других преобразований. К началу XX в. Россия достигла больших успехов в развитии народного хозяйства, превратилась в аграрно-индустриальную страну, прочно закрепив за собой пятое место в мире. Вместе с тем император, несмотря на настояния Бунге, долгое время не решался на осуществление кардинальных мер в деревне и склонялся в этом вопросе на сторону консервативного руководства Министерства внутренних дел. Только под влиянием первой российской революции он отказался от традиционной неприкосновенности общинного строя и содействовал П.А. Столыпину в насаждении частного крестьянского землевладения.

Далеко не однозначными были и представления Николая II об оптимальной для империи системе государственного устройства. В научной литературе он считается врагом принципов народного представительства. Император соглашался с Победоносцевым по поводу неприемлемости для России парламентского строя, при котором монарх царствует, но не правит. Он неизменно декларировал приверженность политическому курсу своего отца и считал своим долгом передать сыну унаследованную власть в прежнем объеме. Бунге в «Загробных заметках» также предостерегал своего ученика об опасности копирования в России политических моделей Запада. Однако, в отличие от обер-прокурора, он считал целесообразным ввести в состав Государственного совета земских деятелей из разных губерний.¹⁰¹

Подобные предложения воспринимались самодержцем вполне сочувственно. А.С. Путилов вспоминал о Николае II, что с «самых первых дней царствования в нём проявилось и проявлялось до самого конца тяготение к общественно-либеральным формам государственности, странно уживавшееся в нём с незыблемой верой в необходимость для России самодержавия».¹⁰² Император в принципе не отвергал возможность призыва народных представителей к участию в государственной деятельности, но при ограничении полномочий самодержца только в сфере законодательства и сохранении всей полноты его власти в управлении.¹⁰³ Однако ему было крайне трудно отважиться на какие-либо конкретные меры. На одном из заседаний Совета министров в феврале 1905 г. он признавался, что для него весь вопрос заключается в «своевременности» этой меры: «Мучаюсь. В сомнении. Иногда кажется полезным и даже спасительным. Опасным кажется в данное время. Страшно подойти и решить. [...] Мечусь направо и налево. Отложить до более спокойного времени.

¹⁰¹ Бунге Н.Х. Загробные заметки // Судьбы России. С. 235, 236.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 68.

¹⁰³ Куликов С.В. Указ. соч. С. 32–35.

Можно потерять всё».¹⁰⁴ Император вычеркнул из проекта указа 12 декабря 1904 г. пункт о пополнении Государственного совета выборными членами. Он подписал манифест 17 октября 1905 г., только убедившись в безвыходности своего положения в экстремальной революционной ситуации. Самодержец отрицательно относился к Государственной думе с момента её появления, всякий раз испытывал удовлетворение по поводу её закрытия, настаивал на её роспуске 3 июня 1907 г.

Колебания императора, ставшие доминантой царствования и во многом предвосхитившие его итог, можно объяснить не только сложностью общественно-политической ситуации в стране, но и во многом тем противоречивым влиянием, которое оказали на Николая II столь разные по взглядам воспитатели, какими были К.П. Победоносцев и Н.Х. Бунге.

¹⁰⁴Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 296, 297.